

Е.А. ТОРОПОВ

*аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИМПЛИКАЦИИ КОНЦЕПЦИИ АНАРХО-КАПИТАЛИЗМА

В статье исследуются социально-экономические аспекты концепции анархо-капитализма, которая выстраивает модель общества, существующего в рамках сугубо рыночных институтов при отсутствии государственных. Аргументация анархо-капиталистов опирается на родственные ей политические теории минархизма и классического либерализма, с опорой на свободу выбора и пользу конкуренции – продвигаясь дальше в осмыслении импликаций возведенного в абсолют идеала ограниченного правительства и неограниченного рынка.

Ключевые слова: анархо-капитализм, минархизм, либертарианство, капитализм, Фридман, Хьюмер, Нозик, Ротбард.

Базовой аксиомой анархо-капитализма, равно как и минархизма и всего классико-либерального спектра политической мысли, является более высокая эффективность частного сектора в сравнении с государственным [8; 10; 11; 12]. Первым разделение между государственным и частным секторами экономики провел Людвиг фон Мизес, обозначив суть современного биполярного западного политического дискурса, в рамках которого левые выступают за большее присутствие государства в экономике, а правые – за меньшее [4. С. 15-16].

О причинах превосходства частного над государственным образно и в то же время емко пишет продолжатель учения Мизеса Мюррей Ротбард, один из основателей анархо-капитализма: «В отличие от частных фирм, государственные ведомства получают доход не от того, что предоставляют потребителям дешевые и качественные услуги. Нет, источником дохода всех ведомств являются налоги. Ведомства действуют неэффективно, а их издержки растут, потому что они могут не заботиться об убытках

или банкротстве... Для ведомств потребитель – это незванный гость, мешающий плавной работе бюрократического механизма» [6. С. 338].

Переходя к практической плоскости социально-экономического осмысления анархо-капиталистического общества, следует отметить, что, хотя на сегодняшний день в большинстве государств мира и разрешено предоставление социальных услуг частными агентами, тем не менее, правительство **всегда регулирует** самые различные аспекты их функционирования «во имя потребителя», не считая его способным к рациональному и самостоятельному выбору любой услуги для себя же.

В сфере **здравоохранения** ключевой проблемой, имеющейся на сегодня вследствие вмешательства государства в свободнорыночные отношения, являются сложная бюрократически и финансово затратная система лицензирования новых препаратов и процедур. Будучи доступной только крупным и уже устоявшимся корпорациям вследствие больших финансовых затрат на процедуры лицензирования и долговременность соответствующей бюрократической волокиты, занимающей порой годы, граждане, помимо дороговизны, зачастую лишаются возможности добровольного использования новых, нелицензированных методов лечения, использование которых в ряде случаев преследуются уголовно, являясь, в то же время, единственной надеждой отдельных пациентов на выздоровление.

Касаясь сферы **образования**, следует отметить, что в ряде государств необходимость установления государственных образовательных стандартов фиксируется на конституционном уровне. Статья 43, пункт 5 КРФ гласит: «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты...» [2]. Таким образом, государство не доверяет предоставление частных образовательных услуг по своим программам, требуя соблюдения федеральных стандартов, написанных внерыночными и даже зачастую *внеобразовательными* бюрократами, что и приводит к внушительной стоимости и весьма низкому качеству обучения.

Любопытно, что при всей зарегулированности и централизации образовательной сферы государство в то же время не артикулирует основные задачи и приоритеты собственной же образовательной системы, фактически предлагая своим гражданам *депараметризированное образование*. Российский исследователь Т.Н. Седых отмечает, что «в настоящий момент в России мы не можем увидеть четко выстроенной программы развития образования, отвечающей на вопросы, какого человека и зачем мы хотим получить в результате воспитательного и учебного процесса» [7. С. 76].

Причина такого положения дел кроется в отсутствии у федеральных бюрократов духовных и даже материальных стимулов быть заинтересованными в долгосрочных и стратегических целях внерыночного образования. Более того, при отсутствии стимулов одновременно имеются мощные, системные антистимулы – увольнение и даже наказание за неудавшиеся

эксперименты и рациональные предложения. Таким образом, наилучшей стратегией получения устойчивой прибыли чиновником за счет налогов является сохранение статуса-кво в вверенной ему сфере.

Возможно ли «продать» депараметризованное образование на свободном рынке, конкурируя на равных условиях с частными агентами, каждый из которых стремится достучаться до потребителя при помощи своих концепций, уникальных наработок и преимуществ? Ответ очевиден.

Следует отметить, что, к примеру, с регулярным приходом к власти в США Республиканской партии, которую сложно заподозрить в анархо-капиталистических наклонностях, периодически поднимается вопрос реформирования федерального министерства образования (возникшего не так давно – только в 1979 г.) и полной передачи образовательных вопросов, на уровень штатов и даже муниципалитетов, которые, учитывая местные особенности, смогут более эффективно распорядиться средствами налогоплательщиков (3). В России это можно реализовать путем конституционного запрета для государства на образовательную деятельность – подобно давно действующему принципу разделения государства и церкви.

Образование, по мнению минархизма и анархо-капитализма, является, по сути, услугой, а цели образования и воспитания (как и всей жизни) должны определяться родителями и самими детьми, а не государством. Увеличение разнообразия образовательных методик и их свободная конкуренция приведут как к снижению цен в погоне за потребителем, которые будут ниже действующих налоговых затрат граждан в бюджет государства, так и к появлению новых методик преподавания. Такие процессы постепенно идут в ряде штатов США, в отдельных странах Африки и Азии, где значительная часть детей уже обучается в частных организациях. В Европе, однако, процесс деэтактизации образования идет куда медленнее.

Образование, имеющее другие приоритеты, цели и основания, безусловно, приведет к трансформации самого человека, его ценностей, способностей и приоритетов. В силу убыстряющийся изменчивости мира и стремительного устаревания профессий особенно остро выявляется необходимость приобретения и оттачивания навыков самостоятельного и регулярного, длиною в жизнь, самообучения, требующего не внешней, но *внутренней* дисциплины (2). По сути, именно воспитанию внутренней дисциплины и способствует частное образование, структура которого полагает человека к планированию собственной образовательной траектории.

Разумеется, взгляд на образование как на услугу, но не общественное благо активно критиковался и критикуется по сей день. К примеру, еще у классического либерала А.Смита встречается мысль о необходимости государственного контроля за образованием [13. С. 733-740]. Схожее положение можно найти и у Дж. С. Милля – но в то же время он выступал и против обязательных публичных школ для детей [5]. Представитель классического

либерализма М.Фридман, признавая роль государства, в то же время предлагал идею образовательных ваучеров: «Школам при этом придется взимать деньги за обучение (в полном объеме, если ваучер соответствует полной сумме). Государственные школы будут вынуждены соревноваться друг с другом и с частными школами» [8. С. 185-186].

Социальное обеспечение – набор функций, исполняемых государством при помощи перераспределения доходов путем налогообложения. Согласно рыночной логике, частная благотворительность является лучшей вследствие прямой заинтересованности жертвователей в эффективности потраченных ими средств.

Частный сектор уже длительное время участвует в благотворительных программах. Более того, даже в сегодняшних этатистских реалиях наблюдается позитивная корреляция увеличения экономической свободы и роста благосостояния граждан (1), у которых, в свою очередь, появляется возможность для благотворительности, стимулируемая институтом репутации.

В то же время увеличение экономической свободы, приводящее к повышению благосостояния граждан, одновременно снижает потребность в получении какой-либо социальной помощи вообще. В ходе расширения экономической свободы последних столетий технический прогресс ускорился, а производительность труда кратно возростала.

В подтверждение многократного повышения благосостояния можно привести статистические данные Всемирного Банка, согласно которым еще в 1981 г. доля населения, находившаяся за чертой уровня бедности (1,9 доллара в день и менее в ценах 2011 г.) составляла 42.3%, а в 2015 г. – только 10% [1]. Общая численность населения Земли за указанный период удвоилась.

Частная мировая филантропия, преобладающую долю в которой составляют пожертвования жителей США как первой экономики мира вследствие более чем двухвековой отнюдь не совершенной, но относительно устойчивой и широкой, в сравнении с другими государствами, экономической и политической свободой, уже позволила продвинуться в решении многих глобальных проблем, многие из которых, такие как голод, малярия, доступ к чистой воде, на сегодняшний день уже в значительной степени разрешены.

Уместно сконцентрироваться на *обязательности* участия в тех или иных пенсионных и социальных программах. И здесь, как и в вопросах регулирования рынка, проявляется все недоверие власть имущих к способности граждан распоряжаться собственными финансами и планировать свое будущее. Свободно-рыночная политическая мысль, в свою очередь, не стремится к обязательности чего бы то ни было, но, скорее, к возможности выбора индивидом того решения, которое он считает наиболее оптимальным.

Разумеется, не порицается добровольное участие в государственных пенсионных и страховых медицинских программах. В то же время каждый должен иметь возможность отказа от таких программ и соответствующих

налоговых платежей в пользу собственных финансовых стратегий, потенциально включающих в себя весь обширный арсенал методов и средств, наличествующих в свободно-рыночных условиях.

Реконструировав социально-экономические аспекты, уместно перейти к вопросу о том, что будет с человеком и обществом как таковыми в условиях анархо-капиталистического общества. Разумеется, рассуждения автора статьи будут носить гипотетико-механистический характер в духе философии Декарта или Паскаля. Но, учитывая общий идеалистический настрой анархо-капиталистической политической философии, изложенные ниже авторские модели вполне могут получить признание в либертарианской политической философии.

Индивид, свободный от влияния принудительных, но в то же время определенных и устоявшихся этатистских социальных институтов, будет поставлен в условия необходимости самостоятельного выбора, расчета, планирования и несения ответственности за свои действия – будь то создание уникальной траектории собственного образования или выбор частной медицинской услуги среди множества представленных на рынке.

Приоритетными целями такого идеала *классикорационального* человека будет планирование своих действий таким образом, чтобы они принесли максимальную выгоду и себе, и другим – потому как влияние института общественной репутации, скорее всего, резко усилится, а необходимость материального самообеспечения и самореализации сами по себе подтолкнут индивида к необходимости привнесения ценности на свободный рынок.

Идеал классикорационального человека метко описал еще Дж. Локк в своей работе, посвященной вопросам воспитания – фактически одной из первых философских работ по воспитанию детей в эпоху Нового Времени и в истории философии вообще: «Нам не может не нравиться гуманный, доброжелательный и деликатный характер, где бы мы с ним не сталкивались. Свободный дух, *владеющий собой* и всеми своими действиями, не низменный и не ограниченный, не высокомерный и не дерзкий, не запятнанный никакими пороками, – вот что пленяет каждого» [3. С. 453].

Идеал свободного, рационального, осознающего себя и свое место в мире человека, индивидуалистичного и в то же время полезного другим является общим для классического либерализма, минархизма и анархо-капитализма. Безусловно, имеются некоторые различия в степени необходимой рациональности – в порядке возрастания, вплоть до гиперрациональности в анархо-капитализме. Тем не менее, базис, носящий Просвещенческий характер, является общим – стремление к рациональности, идеалистичность сознания, убежденность в важности идей, трансформирующих среду и творящих историю (а не наоборот, как в марксизме), внутренняя дисциплина. Фундирующей этической компонентой такого человека является служение

другому – не навязанное извне, совершаемое ради одобрения, но естественнорыночное, выражающееся в создании ценности для другого.

Общество, состоящее из рациональных индивидов с деэтицированным сознанием, будет отличаться от ныне существующего отсутствием преобладающей сегодня государственной коллективной идентичности – которая, в свою очередь, априори не носит рационального, целенаправленного и свободно выбираемого индивидом характера, будучи переданной даже не столько предшествующими поколениями, сколько воспитательной системой, прививающей, вольно или невольно, этицистские ценности служения *государству* – отождествляемому, разумеется, не со служением политикам и государственной машине, но со служением обществу путем подмены понятий «государство» и «общество».

Во что выльется, с одной стороны, исчезновение старых и привычных моделей индивидуальной и общественной самоидентификаций, а с другой стороны – никуда не исчезнувшая потребность индивида в обмене и идентификации себя с группами индивидов, ценностями и идеями?

Процесс денационализации и деэтицизации сознания продвигается уже сегодня, притом достаточно быстрыми темпами. Признаком этого являются участвовавшие в последнее десятилетие в российском интеллектуальном сообществе дискуссии о необходимости выработки новой национальной идеи. Перед государством ставится задача выработки новой этицистской идентичности. Однако практически никаких реальных движений в этом направлении или хотя бы широкой общественной вовлеченности в вопрос выработки новой идентичности мы не наблюдаем. Долгожданного многими интеллектуалами процесса формирования национально-этицистской идеи и не будет, поскольку реальный, «низовой» общественный запрос на создание такой идентичности *уже сегодня* отсутствует.

Каждый человек и каждая группа индивидов, объединившаяся добровольно (как правило, ради достижения общих целей в работе или досуге), формируют свои собственные идентичности. Можно лишь догадываться о том, какое множество их будет – учитывая экономическую тенденцию свободного рынка к появлению новых рыночных ниш и к увеличению разнообразия человеческой деятельности вообще.

Уже сегодня на фоне бледнеющих этицистских достаточно ярко проявляются разного рода профессиональные идентичности, не знающие государственных границ, а также культурные и религиозные, которые формируются стихийно вокруг общего дела либо интереса. Не приведет ли бесконечное множество идентичностей и отсутствие объединяющей, имманентно фундирующей идеи у человечества к атомизации великого множества малых сообществ-идентичностей, и не последует ли за этим процесс фактической деглобализации, в ходе которого небольшие группы закроются в «пещерах» Платона? И да, и нет одновременно.

Безусловно, рыночная логика, в рамках которой нужно дифференцироваться со своим продуктом от конкурента и предложить что-то новое и уникальное, подталкивает к некоторому уединению, коллективному либо индивидуальному, для известной степени абстрагирования от окружающего общества и создания, собственно, этого самого *нового* – что, конечно, потребует индивидуальной работы, в ходе которой даже члены одной команды коммуницируют между собой только по необходимости – как правило, для конечного синтеза результатов индивидуальных трудов (предварительно командно спланированных и распределенных между членами команды), складывающихся, как кирпичики в одно целое – *новое*.

Даже сегодня к такой модели приходит, например, высшее образование, с его тенденцией отказа от лекций, а в пределе – вообще от какой-либо *совместной* деятельности, которую индивид способен сделать *самостоятельно*. Тем самым только повышается субъективная ценность и объективная полезность коммуникации, которая используется для решения действительно сложных задач, требующих коллективного ума и качественной, рациональной и целенаправленной коммуникации, приносящей эмоциональное удовлетворение и пользу взаимодействующим.

С другой стороны, свободный рынок дополнительно способствует возникновению рыночных агентов, специализирующихся в одной сфере. В случае победы этого агента в конкурентной борьбе в своей нише он мгновенно распространяет свой продукт на весь мир. В *идеализированной* модели каждый индивид или организация будут делать что-то одно, фактически являясь монополистом в своем вопросе – то, что делают лучше всех согласно кошелкам потребителей свободно-рыночного общества.

Специализация будет только углубляться, что потребует и повышения кооперации, и отсутствия отвлечения на «непрофильные» деятельности. Но гиперспециализация одновременно приведет и к повышению нужды в целевой коммуникации для приобретения необходимых услуг. Говоря в предельных категориях, индивиды будут коммуницировать с другими даже с целью элементарных бытовых действий – потому что специализированные агенты, делают их в разы эффективнее, сохраняя время своих клиентов для их профильного труда, приносящего максимальную пользу в своей нише.

Одиночка из концепции философа Макса Штирнера или даже замкнутый коллектив не смогут существовать изолированно, не участвуя в рыночном обмене – либо же смогут, но это будет затратным и нерациональным в сравнении со свободно-рыночным гиперобменом. При этом нельзя не согласиться со утверждением Штирнера относительно ненужности возведения идеала коммуникации ради коммуникации «в себе», так продвигаемого сегодня: «Наша слабость состоит не в том, что мы противопоставляем себя

другим, а в том, что мы... ищем какого-то «сообщества», «связи», и что наш идеал – именно общение» [9. С. 195].

Суммируя антропологическую модель свободнорыночного общества, классикорациональный индивид идеала эпохи Просвещения восторжествует. Этатистские идентичности постепенно сойдут на нет, а множество новых будут формироваться естественным и децентрализованным, спонтанным или рациональным образом. Глобальный рынок будет требовать индивидуального труда для создания *новых типов и классов* ценностей – поскольку аналоги уже существующих, но ни в чем не превосходящих оригинал, едва ли будут востребованы на свободном рынке.

В то же время необходимость и желание пользования огромным разнообразием свободнорыночных ценностей вкупе с ультраспециализацией каждого и ультрадифференциацией труда в целом будут приводить к гиперобмену и гиперкоммуникации – добровольной, целенаправленной, наполненной смыслом и эмоцией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В данном аспекте правые либералы всех мастей часто вспоминают «Кривую Лаффера», демонстрирующую позитивную корреляцию между понижением налогов и ростом доходов бюджета. Сам А. Лаффер, помимо воплощения своей теории в реальность в президентство Р. Рейгана, был награжден Президентской Медалью Свободы в 2019 г. Среди ряда экономистов преобладает мнение о большей важности дерегуляции в сравнении с понижением налогов, хотя и то и другое оказывает позитивный эффект на экономический рост. Президентство Д. Трампа, помимо налоговой реформы 2017 г., также отмечено большими дерегуляционными мерами, не требующих, в отличие от налоговых реформ, одобрения Конгресса.

(2) Концепцию образование длиною в жизнь первым концептуализировал Дж. Дьюи. Более подробно см.: Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000.

(3) Президент Р. Рейган хотел расформировать это министерство. Однако Конгресс, в то время контролируемый Демократической партией, не дал этого сделать – как, впрочем, не позволил и урезать расходы федерального бюджета вообще, вследствие чего госдолг США за время его президентства (1981-1989 гг.) вырос в 3 раза – до 2,85 трлн. долларов. Подобные же голоса за ликвидацию министерства образования раздавались и в президентство Д. Трампа (2017-2021) – которому, впрочем, уже и так удалось существенно урезать его бюджет в сравнении с президентством Б. Обамы (2009-2017 гг.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Всемирный Банк // <https://data.worldbank.org/topic/poverty>.
2. Конституция Российской Федерации.
3. Локк Дж. Сочинения в трех томах. М., 1988.
4. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
5. Милль Дж. С. О свободе. Глава 5. СПб., 1900.
6. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Ч., 2010.
7. Седых Т. Н. Концептуальный тупик в развитии современного российского образования и возможные пути выхода // Проблемы современного образования. 2020. № 1.
8. Фридман М. Свобода выбирать. М., 2007.
9. Штирнер М. Единственный и его собственность. Х., 1994.
10. Friedman D. The Machinery of Freedom. N.Y., 1973; 1989; 2014.
11. Huemer M. The Problem of Political Authority. N.Y., 2013.
12. Rothbard M. The Ethics of Liberty. N.Y., 2003.
13. Smith A. Wealth of nations. L., 1776.

E.A. TOROPOV

*PhD student of the Department
of Philosophy of Politics and Law,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS AND IMPLICATIONS OF THE CONCEPT OF ANARCHO-CAPITALISM

This article is devoted to socio-economic aspects of anarcho-capitalism – a political philosophy that suggests the possibility for society to exist within the framework of purely market institutions. The anarcho-capitalist argument draws on the related theories of minarchism and classical liberalism, with a focus on freedom of choice and the benefits of competition – going further in understanding the implications of the ideal of limited government and unlimited market.

Key words: *anarcho-capitalism, minarchism, libertarianism, capitalism, Friedman, Huemer, Nozick, Rothbard.*